

Язык сам себя говорит

Григорий Ревзин о том, как иностранные агенты захватили Россию

Журнал "Коммерсантъ Weekend", №20 (314), 31.05.2013

«Мы утверждаем, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. (...) Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, события нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша (...) понятийная система носит преимущественно метафорический характер, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой.»

Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем

В последние недели в среде людей думающих и чувствующих разгорелись нешуточные споры о том, можно ли называть подонков подонками, не наносит ли это морального ущерба тем, кто использует эти слова, не становятся ли они на одну ногу с подонками, загаживая им личные страницы в социальных сетях, а себе тем самым карму. Усилия Государственной думы по сдвигу повестки дня в область морально-этическую дали свои результаты — этические проблемы захватили общество. Как человек правых взглядов, полагающий, что общественная мораль не является предметом государственной заботы, я бы хотел обратить внимание на другую сторону вопроса. Дело не в том, хорошо или плохо называть гражданку фашисткой, дело в том, что это как-то удивительно скучно, поскольку самоочевидный факт. Конечно, людям свойственно забывать самоочевидные факты, и даже есть особый жанр СМИ — отрывные календари которые из года в год повторяют одно и то же, чтобы оно не забывалось. Можно каждое 13 мая писать в отрывном календаре, что желание делать абажуры из кожи людей — это фашизм, и это будет правильно, но самоочевидно. Вероятно поэтому эти календари — довольно маргинальный жанр.

То же касается и борьбы государства с НКО как с иностранными агентами. Понятно совсем все. Российский закон не то же, что Foreign Agents Registration Act США. Российские прокуроры нарушают даже свой же российский закон, где прямо сказано, что "к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, соцподдержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты животного и растительного мира, благотворительная деятельность", и требуют, чтобы общество "Мемориал", общество помощи больным муковисцидозом, общество охраны журавлей объявили себя иностранными агентами. С осуждением закона уже выступили и посол США в России Майкл Макфол, и генеральный секретарь Совета Европы Турбьорн Ягланд, а с ними, понятное дело, и внесистемная оппозиция, и представители НКО, и либеральные колумнисты, и консервативные колумнисты — ну совсем все, кто вообще выступает. Понятно не только то, что они скажут, но и то, что российской власти глубоко плевать и на посла, и на Совет Европы, и на внесистемную оппозицию, и на представителей НКО, и на либеральных колумнистов, и на остальных тоже. Она уважает только силу — внешнюю угрозу или народный бунт,— ни того, ни другого из-за НКО не случится. Поэтому остается только говорить: "подонки, подонки, подонки", но это удивительно скучно, потому что они и сами знают, что их назовут подонками, и сами считают подонками тех, кто их так назовет, и еще и до того, как назвали (про это и приняли закон). Говорить не о чем.

Пожалуй, тут интересно, как это будет работать. Возьмем для начала НКО. Они категорически отказываются признавать себя иностранными агентами, и, вероятно, некоторые будут отказываться до конца и прекратят свою деятельность. Однако же не все. "Мемориал" может прекратить, поскольку прекращение его деятельности — яркое свидетельство природы наших органов: они не только были людоедами 60 лет назад, но остаются детьми людоедов и защищают репутацию отцов. Режим сменится, "Мемориал" восстановится и добавит еще один стенд в раздел "истории ГУЛАГа" — борьба за сокрытие преступлений в соответствующие годы. Но общество помощи больным муковисцидозом свою деятельность остановить не может, потому что конкретные дети перемрут. Выход очевиден. Надо изменить структуру финансирования. Нет никакой проблемы учредить фирму, скажем, в Латвии, на которую будут перечислять средства зарубежные организации, а эта фирма будет заключать прямые договоры не с российскими организациями, а с людьми, которые работают на НКО. Никаких ограничений на договоры по оказанию услуг зарубежным фирмам для граждан России нет, да и быть не может, иначе нам надо устраивать железный занавес в экономике. Я сказал про фирму в Латвии, но таких схем сотни, и все их прекраснейшим образом изучил, внедрил и использует российский бизнес, тут не надо изобретать велосипеда. Они изучены не теоретически, а с точностью до разницы в 1% налогов, которые нужно будет заплатить в том или ином случае. И совершенно очевидно, что сотни НКО именно по этому пути и пойдут — а, думаю, уже вовсю и пошли.

Специфика нынешней ситуации отчасти в том, что политические решения рождаются в голове одного человека, и здесь стоит, пожалуй, подумать о том, что там происходило. Этот человек был уверен, что все недовольство им инспирируется и финансируется из-за рубежа, поскольку он так много делает для России, что из нее самой произрасти не может. Он заявил об этом совершенно открыто, но при этом в реальности вышло не совсем так — прямых улик финансирования протеста западными деньгами не нашлось вовсе, пришлось устраивать какие-то дурацкие постановочные съемки на НТВ, и хотя пиаровски это выход, но протест постановками не уничтожишь. А вот по сути, скажем, есть культурный центр, занимающийся обучением французскому языку, и человек там работает. Деньги он получает от Франции. Книжки читает французские, фильмы смотрит французские, песни слушает французские, ездит во Францию и видит, что все у нас не совсем как во Франции. Экономически он от РФ не зависим, а любит он Францию и хочет, чтобы в России было так же, как там. Может такой человек выйти протестовать? А то! Можно считать, что его нелюбовь у Путина выросла на французские деньги? А на чьи?

Опять же с политической деятельностью. Формально политическая деятельность — это такая, которая направлена на захват государственной власти легальным путем, но такую деятельность в РФ уже искоренили. А вот деятельность, которая направлена не за то, чтобы взять власть, но против тех, кому она принадлежит, — она что же, получается, не политическая? Но это же лукавство и крючкотворство. И тогда получается, что все, кто получают финансирование из-за рубежа, не зависят от нынешней российской власти экономически и ей недовольны — это, конечно же, иностранные агенты. Собственно, именно это мироощущение и зафиксировал закон об НКО.

Исторически наше государство миролюбиво в том смысле, что все время опасается, как бы кто не напал, и поэтому интересуется областями знания, пригодными для сдерживания потенциального противника. Ну ядерная физика, бактериология, химия и остальное такое же. Филология как дисциплина мирная в этой связи прозябала в сравнительном спокойствии, и после исторического выступления товарища Сталина по вопросам языкознания из власть предержащих мало кто ей интересовался. Однако ситуация изменилась, что трактуется по-разному. Отчасти, возможно, потому что Игорь Иванович Сечин и Сергей Борисович Иванов по образованию оба филологи, связанные с безопасностью. Так или иначе, филология превратилась в оборонную дисциплину — и теперь мы переживаем филологический кризис.

Утром будят президента — вся страна в чужих агентах. И чего? Проблема в том, что, впусив в повестку дня метафору "иностранный агент", страна начинает жить этой метафорой. Они, конечно, законодательно в американском смысле иностранные агенты, а правоприменительно — в нашем, сталинском. Пока закона не было, было только мироощущение. Слово произнесено, и оно само начнет бороться с тем, что называет.

Любовь к президенту от принятых мер возрастать не будет. Отсюда он сделает вывод, что агенты продолжают действовать, не зарегистрировавшись. Мало того — то, что они не зарегистрировались, будет его наводить на мысль, что они злостные иностранные агенты, как-то особенно зарубежные. Не только любой бизнесмен расскажет вам о том, как открывать подставную фирму на Кипре или в Латвии. Президент в силу своей первоначальной специальности будет подозревать, что часть иностранных агентов перешла на нелегальное положение, а в силу своей работы в мэрии Санкт-Петербурга знает, как организовать эти схемы. И это знают и друзья президента, и старшие слуги его, и все они будут соревноваться друг с другом в выявлении этих схем. В ближайшем будущем нас ждет потрясающий виток шпиономании.

Следуя в русле той же логики, надо будет либо запретить гражданам РФ работать на зарубежного работодателя, либо просто запретить им получать деньги из-за рубежа. Это страшный подкуп под экономическую деятельность в целом. Другой вариант — принять наконец обратно 58-ю статью Уголовного кодекса СССР и начинать сажать. Это страшный подкуп под всю сложившуюся систему государственной власти. Не думаю, что кто-нибудь хочет это делать, и уверен, что есть масса людей, которые этого не хотят. Но логика процесса приведет к этому почти неминуемо. Это как с "жуликами и ворами" Навального. Сначала предвыборный слоган, потом оказывается, что действительно есть и жулики и воры, потом сам президент начинает видеть в этом проблему, потом депутаты собственными руками, рыдая, начинают голосовать за закон, запрещающий им же иметь имущество за рубежом. А чего делать? Ведь очевидно же, что тот, кто получает деньги от зарубежной организации, является контрагентом финансовой транзакции, то есть иностранным агентом. Надо бороться.

В начале 1980-х, когда постмодернизм только начал проникать на территорию русского языка, формулировки типа "язык сам себя говорит", "игра сама себя играет" казались довольно-таки экстравагантной игрой ума. Теперь нам предстоит увидеть, как это происходит на практике в условиях политической повседневности. Вот говорят: они ведут страну в тупик. Нет, тут все тоньше. И их, и нас ведут в тупик слова, которые сначала произносятся едва ли не в шутку, а потом становятся метафорами, которыми мы живем.